

Сяньсянь рассказывала о том, как наказали Дугу Шао, но на её лице по-прежнему сияло восхищение — прямо как у восторженной поклонницы:

— Генерал Дугу столь отважна благодаря суровому воспитанию отца, генерала Дугу Юанькана. После соединения с подкреплением и взятия Личэна и других уездов, где она доблестно сражалась и совершила множество подвигов, генерал Дугу не стал делать поблажек любимой дочери, несмотря на её заслуги. Напротив, он созвал военный совет, перечислил её достижения и проступки и по военному уставу приговорил к казни...

Я ахнула и чуть не вскочила с места, но А-Хуань вовремя удержала меня:

— Неужели Дугу Юанькан столь неподкупен? Это всего лишь спектакль. Наверняка кто-то упрашивал его пощадить её, не стоит волноваться.

И вправду, Сяньсянь продолжила:

— К счастью, командиры заступились за неё, поэтому ограничились сотней ударов палками, исполненной публично. Но как же генерал Дугу сильна духом! Выдержав все сто ударов, она не издала ни звука.

А-Хуань усмехнулась и взглянула на меня: мол, видишь, раз не закричала, значит, спектакль. Однако, бросив взгляд на выражение лица Цуй Мин-дэ, я почувствовала лёгкую тревогу и поспешила спросить Сяньсянь:

— Так её потом отправили обратно? Скажи, насколько серьёзны её раны?

Сяньсянь ответила:

— Генерал Дугу была ранена и не могла продолжать сражаться, поэтому оставалась в лагере до конца кампании, а затем её сопровождали в столицу. В свите были её личные слуги, служанки и преданные гвардейцы, следовавшие за ней добровольно. Судя по их поведению, они заботятся о ней тщательно. Когда я навещала её у входа, она не смогла подняться, чтобы встретить меня, но голос звучал ясно — должно быть, всё в порядке. Я также спросила служанок и получила рецепты и записи о состоянии. Если Ваше Высочество беспокоится, можно пригласить придворных лекарей.

Я ещё не успела ответить, как Цуй Мин-дэ уже произнесла:

— Я немного разбираюсь в медицине, позвольте мне взглянуть.

Сяньсянь, получив моё согласие, передала ей рецепты. Та перечитала записи несколько раз и наконец с облегчением вздохнула:

— Если тщательно ухаживать, через два-три месяца она сможет встать и ходить.

Взглянув на её лицо, я подумала, что раны не столь серьёзны, но, услышав это, почувствовала, как сердце ёкнуло. Я обернулась к А-Хуань, а та, высунув язык, сказала:

— Это для её же блага. Не накажи её так строго — снова сбежит. Вдруг отправится в Янчжоу... К тому же Луонань-гун, пожалуй, и вправду разгневан.

Упрекать её я не стала, лишь обернулась и тихо проворчала:

— Старый солдафон! — Слово вырвалось чуть громче, чем я рассчитывала. Ваньэр и Цуй Мин-

дэ услышали, и на их лицах мелькнуло полное согласие, но они тут же опустили глаза, приняв вид безупречно сдержанных особ, словно вовсе не интересовались этим делом.

Примечание автора:

Ах, отказавшись от покупок ради написания и обновления, я чувствую, что действительно люблю Тайпин. Те, кто отказался от покупок, чтобы первыми прочесть главу, — мои истинные поклонники...

В общем, счастливого Дня холостяка! Спокойной ночи...

В октябре едва миновал час Шэнь, а небо уже начало темнеть. Во дворце постепенно зажгли огни. Ваньэр взглянула на сгущающиеся сумерки, отложила кисть, медленно поднялась и вышла за ворота покоев. Она увидела, как сменяющие караул отряды императорской гвардии входили, заменяя могучих воинов, стоявших под галереями.

После того как Дугу Шао отстранили от должности, Всадницы Мулан снова перешли в подчинение Приказу Дяньчжун, объединившись с женским отрядом Хулэй Добао. Хотя они именовались внутренней гвардией, большинство женщин в их рядах были простолюдинками и отличались грубоватой внешностью, и Вэй Туаньэр считала их недостойными приближаться к императрице. Поэтому ежедневную службу в Чертоге Чжэньгуань несли лишь неотёсанные мужчины. Внутренняя охрана изначально была обязанностьюлевой и Правой гвардий,левой и Правой Цяньнью,левой и Правой Цзинью и трёх внутренних гвардий. После того как покойный император учредил Гвардию Юйлинь, появилась внутренняя гвардия, которая изначально охраняла лишь внешние пределы Чертога Чжэньгуань, а вдоль дорог выстраивалась в качестве почётного эскорта. В этом году, после дел с князем Ци и Сюй Цзинье, императрица приказала расширить Гвардию Юйлинь до Гвардии Юйлиньвэй, установив численность в шесть тысяч человек, которые должны были нести службу днём и ночью, не отлучаясь ни на мгновение. В рядах этой гвардии было множество молодых людей из столицы, именуемых «добрыми сыновьями», хотя среди них хватало бездельников и любителей петушиных боёв и азартных игр.

Ваньэр не испытывала к этим юношам ни симпатии, ни антипатии. На улице они могли быть сколь угодно дерзки, но палец тронуть на дворцовой служанки — даже прачки — не смели. Однако в последнее время среди дежурных появился один, кто бросался в глаза настолько, что, завидев его издали, она невольно ощущала отвращение, а вместе с ним и неприязнь ко всей караульной Гвардии Юйлинь.

И сегодня этот ненавистный человек снова был в доспехах, с императорским мечом и луком, с улыбкой смешавшись с толпой и войдя в Чертог Чжэньгуань, где как старший офицер занял место в левой галерее.

Ваньэр охватило беспричинное раздражение, которое не желало отпускать. Войдя в главный зал, она опустила голову, опасаясь, что её заметят.

Императрица У с полудня вела совещание, и оно всё ещё не закончилось. Ваньэр долго стояла у входа во внутренние покои, прежде чем увидела, как Цуй Цзяо, Лю Ичжи, У Чэнсы и Фан Ицзэ вышли один за другим. Вскоре появилась служанка, увидела её и улыбнулась:

— Императрица вызвала Цайжэнь. Я сказала, что она уже ждёт у двери, и, как и ожидалось, так и есть.

Ваньэр слабо улыбнулась, кивнула и вошла внутрь. Императрица уже стояла у окна, глядя

наружу. Ванъэр подошла, поклонилась и мягко произнесла:

— На улице холодно, у окна дует, не стоит стоять здесь подолгу.

Императрица, не оборачиваясь, рассмеялась:

— Всего несколько раз кашлянула ночью, а ты уже запомнила.

Слова были сказаны небрежно, но Ванъэр почувствовала необъяснимую вину и опустила голову:

— Ваше Величество — опора государства, на Вас все надежды. Я, служа Вам, естественно, не могу быть небрежна.

Императрица покачала головой, повернулась и сделала несколько шагов, затем вдруг с лукавством спросила:

— Значит, ты заботаешься о моей безопасности ради государства, а не из преданности мне?

В последнее время она всё чаще любила подшучивать таким образом, и Ванъэр уже не боялась её так, как прежде. Она поклонилась и тихо ответила:

— Преданность Вашему Величеству — это преданность государству, а преданность государству — это преданность Вашему Величеству. Ваше Величество и государство нераздельны.

Императрица мягко рассмеялась, вышла через главные ворота и, вместо того чтобы вернуться назад, медленно прошлась по двору. Несколько старших офицеров Гвардии Юйлинь, уже продрогшие и притоптывающие ногами, увидев императрицу, выпрямились, положив руки на императорские мечи. Все они были отборными воинами, ростом выше восьми чи, плечистыми и статными, словно горы. Императрица, казалось, пребывала в прекрасном настроении; она медленно остановилась, подозвала каждого из караульных, задала несколько незначущих вопросов и вдруг, словно вспомнив что-то, взглянула на одного из них:

— Ты прежде бывал во дворце?

Тот опустил на колени и громко ответил:

— Ваше Величество, я Фэн Сяобао из Цзинчжао. В начале года удостоился чести быть принятым, а затем вступил в Гвардию Юйлинь и ныне являюсь старшим офицером.

Ванъэр почувствовала, как сжалось сердце, и опустила голову. Императрица же с улыбкой произнесла:

— Ах, вспомнила. Тогда тебя отправили с У Ицзуном на охоту в императорский парк. Ну что, была добыча?

Фэн Сяобао громко стукнулся лбом о пол:

— Ваше Величество, я добыл одного кабана и двух оленей. Генерал У оценил мою отвагу и отобрал меня в Гвардию Юйлинь.

Ванъэр, видя, что императрица собирается затянуть беседу, наконец сжала губы и мягко кашлянула:

— Ваше Величество ещё не ужинали? Не прикажете ли подать трапезу?

Императрица взглянула на неё с улыбкой, кивнула и сказала:

— Распорядись: всем, кто несёт службу в этом месяце, декабре и январе, из трёх гвардий,левой и Правой Юйлинь, Байци и Фэйци, пожаловать по пять отрезков ткани каждому.

Секретари и глашатаи тут же передали приказ, и вскоре раздались возгласы благодарности от караульных Гвардии Юйлинь и трёх гвардий. Ванъэр почувствовала странный привкус во рту. Проследовав за императрицей во внутренние покои и распорядившись подать ужин, она уже собиралась удалиться, когда у двери появилась женщина-чиновник, тихо ожидая её выхода. Императрица, заметив её, отложила палочки и небрежно спросила:

— Сегодня ты не в ночном дежурстве?

Ванъэр почувствовала, как сердце ёкнуло. Взглянув на дверь, она тихо ответила:

— Докладываю Вашему Величеству, я... хотела бы поменяться с кем-нибудь сменами.

Императрица удивлённо взглянула на неё:

— Поменяться?

Ванъэр сжала губы, склонилась и сказала:

— У меня скоро начнутся месячные, и я боюсь, что не смогу служить должным образом, поэтому хотела бы поменяться с госпожой Ли. Сегодня я буду дежурить, а послезавтра она послужит Вашему Величеству. Прошу Вашего разрешения.

Императрица рассмеялась:

— Разрешение или нет — нужно спросить у Ли Ми. — Она подозвала женщину у двери:

— Ванъэр хочет поменяться с тобой сменами. Ты согласна?

<http://bllate.org/book/16278/1467350>